

Метерлинк Морис

**Тайны души. Драма Мориса
Метерлинка**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М79

М79   **Морис М.**
Тайны души. Драма Мориса Метерлинка / Метерлинк Морис – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 40 с.

ISBN 978-5-519-96333-6

ISBN 978-5-519-96333-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

значить что-нибудь сдѣлать даже для языка. А вѣдь и эти прилагательныя заимствованы. Между тѣмъ нашъ литературный языкъ, можетъ быть, нуждается въ нѣкоторомъ обновленіи. Онъ становится далекимъ у большинства писателей и журналистовъ не только отъ народной безыскусственной, но богатой рѣчи, но и отъ разговорнаго языка. Красивый стиль, красивыя фразы, округленные періоды, въ которыхъ часто мысль является какъ кокотка, украшенная фальшивыми брилліантами, вовсе не идеаль языкъ. Эта «литературность» помогаетъ только тому, чтобы сдѣлать болѣе или менѣе пріятнымъ чтеніе всякой болтовни. Читаешь: гладко, ровно, нигдѣ никакой запинки, — а прочелъ и ничего не остается въ памяти, никакой мысли, никакого факта.

Необходимы ли такія литературныя формы рѣчи? Вѣдь образность языка существуетъ и въ народной поэзіи, въ пословицахъ и поговоркахъ; великій поэтъ находитъ его въ сердцѣ своемъ, въ своей головѣ безъ особенныхъ усилій, но и онъ подчиняется иногда господствующей рутинѣ и воспитанію. А ужъ о массѣ «литераторовъ» и говорить нечего. Литературный языкъ въ огромной массѣ сочиненій есть языкъ искусственный, безъ нужды многословный, болтливый, одѣвающій самую простую и обыденную мысль въ изысканныя одежды, сшитыя у модныхъ портныхъ. Какъ у канцеляріи есть свой языкъ, такъ свой языкъ и у литературы. Никогда не забуду, какъ я написалъ первое свое сочиненіе въ классѣ, мальчикомъ. Мой учи-

тель, небезызвѣстный въ провинціальной литературѣ, Малыхинъ, задалъ тему: «Садъ весною». Я и сталъ описывать тотъ маленькій садикъ, который былъ при нашемъ дворѣ. Я хорошо помнилъ плетень, которымъ онъ былъ обнесенъ, нѣсколько яблонь, кусты смородины и крыжовника и особенно большую развѣсистую яблоню, подъ которою лѣтомъ спала иногда вся наша семья. Я помнилъ весну съ ея зеленью, съ ея бѣлоснѣжнымъ цвѣтеніемъ и душистостью. И все это я писалъ такъ же просто, какъ ясно-полянскіе ученики Л. Н. Толстого. Но рядомъ со мною сидѣлъ товарищъ, который отличался большою начитанностью. Я заглянулъ къ нему въ тетрадь. Онъ замѣтилъ это и далъ прочесть то, что онъ написалъ. Боже мой, какъ я устыдился не только своего языка, но и своего бѣднаго сада, который я такъ любилъ. Въ тетради товарища описывался роскошный садъ, и описывался превосходными, какъ мнѣ тогда казалось, литературными фразами, изысканными, чопорными, книжными. Я разорвалъ свое писанье и сталъ напирать свои усилія на описаніе того, чего я никогда не видалъ, я придумывалъ слова и книжныя фразы, общія мѣста восторга, и вышло у меня литературное сочиненіе, за которое учитель меня похвалилъ. Лѣтъ черезъ десять послѣ этого Л. Н. Толстой поручилъ мнѣ написать для своихъ ясно-полянскихъ книжекъ біографію Никона. Я зналъ условія полнѣйшей простоты изложенія для подобныхъ книжекъ и написалъ пменно такъ, какъ принялся было я мальчикомъ описывать свой сель-

скій садикъ, и Л. Н. былъ доволенъ, вѣроятно, впрочемъ, приложивъ и свою руку къ моей рукописи.

Думаю, что въ воспоминаніяхъ многихъ есть такіе же эпизоды, когда книжный языкъ невольно навязывается намъ и усвоваются общепринятая формы литературнаго стиля, лишая каждого изъ насъ извѣстной доли самостоятельности и оригинальности въ языкѣ и даже самой мысли. Все скрывается и облекается въ мундиръ такъ-называемой литературы. Неужели это такъ необходимо и полезно, и неужели только въ этомъ направленіи долженъ совершенствоваться языкъ и формы изложенія?

Когда я читалъ декадентовъ, мнѣ вспоминался и рассказанный анекдотъ со мной, и ясно-полянскія книжки, и тотъ фигурный, вылощенный, изобильно наполненный книжными изреченіями и иностранными словами языкъ, который теперь господствуетъ у насъ. Французскіе декаденты пестрятъ свой языкъ старыми словами, провинціализмами, и это не худо, потому что лучшее усвоивается и прививается. Наши декаденты въ народную литературу едва ли заглядываютъ, а потому являются подражателями довольно бессмысленными, усвоивая себѣ только курьезы и слабыя стороны оригинала.

Среди декадентовъ Метерлинкъ является звѣздою по своей искренности, соединенной съ поэтическимъ талантомъ. Драмы его взяты либо изъ фламандской исторіи баснословныхъ временъ, либо изъ современности. Онѣ мало напоминаютъ евро-

пейскую драматургію, съ ея извѣстными формами, съ ея искусственнымъ діалогомъ, остроуміемъ, образностью и щегольствомъ языка. Литературно-театральный комитетъ забраковалъ бы эти драмы, какъ глупыя и нелѣпыя. Наши критики, даже наши литературно-театральныя комитеты, такъ часто похваляющіе пьесы, говоря, что онѣ «написаны литературно», точно это не вѣсть какая похвала, нашли бы, что драмы Метерлинка написаны «нелитературно». Но въ этой нелитературности ихъ, по-моему, большая прелесть. Встрѣчаешь что-то новое, какъ будто дѣтское и какъ будто серьезное вмѣстѣ съ тѣмъ. Знакомишься съ чѣмъ-то таинственнымъ, съ какими-то тончайшими проявленіями души человѣческой и природы въ ихъ гармоніи между собою. Какъ-то уходишь отъ повседневной жизни въ тишь жизни призраковъ, боязливыхъ, напуганныхъ душъ, которые живутъ, любятъ и погибаютъ почти безъ словъ. Это жизнь тѣней, но въ нихъ вы чувствуете свою душу въ ея безсознательныхъ, по крайней мѣрѣ, движеніяхъ. Лица какія-то хрупкія, наивныя, слабыя, безпрекословно подчиняющіяся судьбѣ или угнетателямъ, владѣющія самымъ простымъ языкомъ и самыми первоначальными понятіями. Языкъ у нихъ такой бѣдный, что они часто повторяютъ одни и тѣ же слова по нѣскольку разъ. Никакихъ восторженныхъ рѣчей, никакого лиризма, никакихъ отступленій ради красивыхъ сравненій и такъ-называемыхъ поэтическихъ оборотовъ, никакихъ психологическихъ пзысканій, преподаваемыхъ въ видѣ

монологовъ. Это совершенная противоположность шекспировскому языку и шекспировскимъ героямъ, которые всѣ говорятъ языкомъ великаго основателя новой европейской драмы. И, несмотря на всю эту простоту языка и понятій, простоту и наивность характеровъ, драмы Метерлинка производятъ впечатлѣніе, иногда глубокое: мурашки начинаютъ бѣгать по тѣлу, и ужасъ, и жалость васъ охватываетъ, т. е. вы получаете такое же впечатлѣніе, какъ отъ хорошей заправской драмы. Авторъ называетъ ихъ «драмамъ для маріонетокъ». Онѣ дѣйствительно какъ бы назначены для этого театра по своему дѣйствию и характерамъ, но вѣдь и жизнь наша, если совлечь съ нея излишній декорумъ, излишнюю фольгу и фразы, не явится ли именно въ этой простой формѣ и не разбивается ли такъ же просто и легко, какъ маріонетки?

«Intérieur» — третья драма Метерлинка, игранная на сценѣ. «L'Intruse» и «Les Aveugles» были даны въ Парижѣ въ 1891 г. на одномъ изъ тѣхъ театриковъ, которые знакомятъ избранную публику съ новыми вѣяніями въ драматической литературѣ (на «Théâtre d'Art»). Эти пьески даны были на нѣмецкомъ языкѣ въ Вѣнѣ и на датскомъ въ Копенгагенѣ. Успѣхъ онѣ имѣли незначительный и старые критики ихъ вышучивали. «Intérieur» была дана въ мартѣ этого года на театрикѣ «L'Oeuvre» и произвела сильное впечатлѣніе, несмотря на то, что исполнялась плохими актерами.

Въ вашей семьѣ случилось несчастье, котораго вы еще не знаете. Но знаютъ о немъ другіе и слу-

чайно. видятъ, что такое происходитъ въ вашей семьѣ. Вы за тысячу верстъ отъ этого горя, которое слоптъ за вашимъ порогомъ и готово поразить васъ своимъ ударомъ. Но что-то такое, можетъ быть, происходитъ въ вашей душѣ, вѣчто вродѣ неяснаго, тревожнаго предчувствія, что-то такое, чему вы не придаете значенія и думаете, что счастье ваше ничѣмъ не можетъ быть нарушено, ибо вы приняли всѣ предосторожности, какія только можно принять. Вы живете, какъ жили вчера. Но посторонніе люди, узнавшіе ранѣе о вашемъ несчастіи, смотрятъ на васъ и не знаютъ, что дѣлать, какъ предупредить васъ, какъ вамъ сказать. И чѣмъ болѣе они смотрятъ, тѣмъ болѣе проникаются жалостью къ вамъ, къ вашему несчастію и теряютъ мужество быть вѣстниками этого несчастія. Все содержаніе пьески въ этомъ, и она гораздо глубже и лучше, чѣмъ «Les Aveugles» и «L'Intruse».

Кто въ жизни не испыталъ горя и къ кому оно не подходило тайкомъ, неожиданно и не поражаало всей своей тяжестью? Метерлинкъ выбралъ для своей маленькой драмы именно эту деликатную сторону—что чувствуютъ и что дѣлаютъ тѣ, которые узнали раньше о несчастіи и которые должны сказать о немъ тѣмъ, на которыхъ оно обрушилось. Авторъ высказываетъ устами Старика много прекрасныхъ мыслей, которыя отзовутся въ сердцѣ каждаго, кто испыталъ горе, кто способенъ сочувствовать чужому несчастію и понимать его въ томъ порядкѣ жизни, которымъ мы живемъ. А со-

чувствовать чужому горю способны и равнодушные, если долго на него смотреть. Изъ всѣхъ маленькихъ драмъ Метерлинка «Intérieur», по-моему, наиболѣе простая, человѣчная и понятная. Въ семьѣ, состоящей изъ матери, отца, трехъ дѣвушекъ и грудного ребенка, въ семьѣ этой, жившей счастливо, утопилась одна изъ трехъ сестеръ. Почему? Богъ знаетъ. Никто этого не подозрѣвалъ, не предвидѣлъ, не предчувствовалъ. Авторъ и оставляетъ въ тайнѣ ту причину, которая заставила дѣвушку добровольно прекратить свою жизнь. И это хорошо, что авторъ не сочинилъ никакой причины, не натягивалъ съ умысломъ никакихъ струнъ, чтобы кого-нибудь обвинить или облить, на кого-нибудь указать или намекнуть. Въ самомъ дѣлѣ, кто знаетъ настоящія причины самоубійствъ? Онѣ иногда такъ неуловимы и глубоки, что лучшее для нихъ объясненіе ничего не объясняющее, но за то авторитетное объясненіе врача, который говоритъ: «это мгновенное сумасшествіе». Старикъ справедливо говоритъ въ драмѣ, что у каждаго человѣка есть не одна причина, чтобы не жить, и что никто не знаетъ, да и не узнаетъ, почему человѣкъ прибѣгъ къ насилію надъ собою. Дѣло и не въ томъ, чтобы узнать эту причину, анализировать ее и представить ярко, какъ свою догадку. Дѣло лежитъ гораздо глубже, оно лежитъ въ томъ невниманіи другъ къ другу, которое существуетъ въ этомъ мірѣ даже среди близкихъ людей, съ которыми мы живемъ, видимся ежедневно, обѣдаемъ за однимъ столомъ, проводимъ вечера вмѣстѣ, живемъ

въ одной квартирѣ. Каждый занятъ собою гораздо болѣе, чѣмъ другимъ, и не вникаетъ, и не понимаетъ чужую душу: чѣмъ она живетъ, что волнуетъ ее, что ее оскорбляетъ, что дѣлаетъ для нея эту жизнь невыносимой. Спокойные и довольные сами, или привыкшіе ко всему, мы не входимъ въ волненія молодой души и часто относимся къ нимъ пренебрежительно, съ высоты своего опыта и благоразумія, совершенно забывая, что эти начинающія жить души воспринимаютъ явленія жизни совсѣмъ не такъ, какъ мы: тоньше, жгучѣе, больнѣе. И ничего въ этомъ нѣтъ удивительнаго, такъ какъ онѣ начинаютъ жить при другихъ условіяхъ, при другихъ вѣяніяхъ. Ту нервность, которая насъ изломала, мы воплотили въ нашихъ дѣтей, и они нервнѣе начинаютъ жизнь, чѣмъ мы ее кончаемъ. Но мы не соображаемъ этого и продолжаемъ ихъ мѣрить на свою мѣру. Они задумываются, у нихъ разсѣянный взглядъ, обращенный куда-то въ пространство, у нихъ иногда вырываются странныя, загадочныя слова, подъ вліяніемъ тяжелой думы, надрывающей ихъ душу, а мы едва удостоиваемъ ихъ отвѣта. Какъ можно?! У насъ такія важныя дѣла и занятія, что намъ не до пустыхъ разговоровъ и пѣжностей. Изъ того, что мы вынесли, мы заключаемъ, что и дѣти наши, и внуки наши способны и должны вынести. Только когда несчастіе разразилось надъ нами, мы начинаемъ понимать то, на что не обращали вниманія, начинаемъ жить заднимъ умомъ, обвинять себя и другихъ, каяться, вспоминать малѣйшія подробности прошлаго, когда

мы равнодушно отнеслись къ тѣмъ или другимъ словамъ, къ тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ того лица, которое добровольно насъ покинуло навѣкъ...

Въ драмѣ вы этихъ страданій не видите, но вы ихъ угадываете. Зритель видитъ сквозь освѣщенные три окна все семейство, онъ видитъ, что дѣвушки вышиваютъ, что на колѣняхъ у матери лежитъ спящій ребенокъ, что отецъ сидитъ у камина. Кое-кто изъ нихъ встаетъ, смотритъ въ окна въ садъ, изъ котораго смотрятъ на нихъ «говорящія» дѣйствующія лица. Всякое движеніе внутри этого дома вызываетъ тѣ или другія замѣчанія тѣхъ, которые знаютъ о несчастіи и отъ которыхъ сейчасъ же зависитъ дать имъ знать о немъ. Но они медлятъ, медлятъ потому, что болѣе и болѣе проникаются къ нимъ участіемъ. Между тѣмъ крестьяне несутъ на носилкахъ утопленницу. Луна освѣщаетъ ихъ. Слышенъ уже шопотъ молитвъ набожныхъ крестьянъ, Сцена наполняется любопытными, всѣ бросаются къ окнамъ; дѣти кричатъ, чтобы ихъ подняли посмотреть. Только тогда Старикъ рѣшается войти въ домъ и объявить о несчастіи. Вся семья тогда бросается навстрѣчу погибшей дѣвушкѣ. Остается въ комнатѣ только спящій ребенокъ, который и не понялъ бы, что такое случилось. И только этотъ младшій членъ семьи проснется спокойно. Для остальныхъ настанутъ долгіе дни и мѣсяцы молчаливой скорби, тяжелыхъ воспоминаній и мучительной работы головы.

Въ пьесѣ нѣтъ того, что называется ролями. Но вся совокупность рѣчей постепенно овладѣваетъ

чувствомъ зрителя, и онъ можетъ не разъ подумать о томъ, все ли благополучно въ его семьѣ, не случилось ли тамъ чего нибудь отъ его невниманія, не ждетъ ли его какое несчастье?.. И рядомъ съ этимъ личнымъ чувствомъ растетъ другое, лучшее чувство—участія къ ближнему, то чувство солидарности, которому слѣдуетъ распространяться болѣе и болѣе и которое дороже и достижимѣе того равенства и братства, которыя останутся вѣчно недостигаемы.

А. Суворинъ.
